

УДК 811.111'42

**РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СТРАТЕГИИ КОНФРОНТАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА
И.Е. Фролова (Харьков, Украина)**

И.Е. Фролова. Регулятивный потенциал стратегии конфронтации в англоязычном диалогическом дискурсе: инструментарий и принципы анализа. Статья имеет целью формулирование общих принципов и описание понятий, касающихся анализа дискурсивной стратегии с их последующим применением для изучения стратегии конфронтации в англоязычном диалогическом дискурсе. Регулятивный потенциал данной стратегии изучен на материале персонажной речи с использованием ряда процедур подбора фрагментов, где реализован стратегический смысл. Глобальная и локальные стратегии конфронтации описаны с учётом их ментальных основ и дискурсообразующих возможностей. Вербальные средства регуляции, предназначенные для конструирования конфронтации, предложено изучать с опорой на понятия речевых стратегий и тактик.

Ключевые слова: англоязычный диалогический дискурс, конфронтация, регулятивный потенциал, глобальная и локальная стратегии, речевые стратегии, тактики.

І.Є. Фролова. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англomовному діалогічному дискурсі: інструментар та принципи аналізу. Стаття має за мету формулювання загальних принципів і опис понять щодо аналізу дискурсивної стратегії та їх застосування у вивченні стратегії конфронтації в англomовному діалогічному дискурсі. Регулятивний потенціал цієї стратегії вивчено на матеріалі персонажного мовлення із застосуванням процедур підбору фрагментів, де реалізовано стратегічний смисл. Глобальна й локальна стратегії конфронтації описані з урахуванням їх ментальних основ і дискурсотворчих можливостей. Вербальні засоби регуляції, призначені для конструювання конфронтації, запропоновано вивчати з опорою на поняття мовленнєвих стратегій та тактик.

Ключові слова: англomовний діалогічний дискурс, конфронтація, регулятивний потенціал, глобальна й локальна стратегії, мовленнєві стратегії, тактики.

I.Ye. Frolova. Confrontation Strategy Regulative Potential in English Language Dialogical Discourse: Main Notions and Principles of Analysis. The article aims at formulating the general principles and describing the notions necessary for discourse strategy analysis, which are further employed for the study of confrontation strategy in English language dialogical discourse. This strategy regulative potential is analyzed on the material of characters speech fragments collected with the help of procedures that allow to select the strategic sense realizations. Global and local confrontation strategies are described as for their mental base and discourse forming abilities. The verbal means of regulation meant to construct confrontation are subjected to analysis in terms of speech strategies and tactics.

Key words: English language dialogical discourse, confrontation, regulative potential, global and local strategies, speech strategies, tactics.

Введение. Интеграция коммуникативно-функционального и когнитивного направления лингвистического анализа, отражающая фундаментальные представления о неразрывной связи когнитивного и коммуникативного, когнитивного и социального, а также коллективного и индивидуального факторов, возникает в результате приоритетной роли антропофактора, который и выступает объединяющим началом когерентного использования двух главных лингвистических принципов [Приходько 2003: 85].

Органическое соединение актов когниции и актов коммуникации [Кубрякова 1997: 188] лежит в основе современной трактовки дискурса, его понимания как сложной, многоаспектной гештальтной системы, единства когнитивного и социопрагматического аспектов [Шевченко 2005: 116], как объекта, зависящего от позиции наблюдателя и условий наблюдения [Морозова 2008а: 11], как ситуативно обусловленной intersубъектной речемыслительной деятельности, направленной на взаимную ориентацию в жизненном пространстве на основе наполнения языковой формы семиотической значимостью [Мартинюк 2012: 11]. Данная трактовка, уходящая корнями в работы Д. Шиффрин [Schiffirin 1994] и Т. ван Дейка [Дейк 1989], является базовой для нового, активно развивающегося направления лингвистического поиска – дискурсологии.

Актуальность дискурсологических исследований обеспечивается вектором анализа, определенным главенствующей ролью антропофактора: от мышления и коммуникативных потребностей человека – к их вербальным проявлениям.

Аксиоматичность учёта когнитивного и (социо-)коммуникативного аспектов речевой деятельности в дискурсологическом анализе, вместе с тем, не исключает, а предусматривает доминирование одного из этих аспектов [Белова 2002: 17; Штерн 1998: 87].

Таким образом, формируется когнитивно-дискурсивное направление лингвистического анализа, интенсивно и экстенсивно развивающееся в Украине сегодня. В то же время, коммуникативно-дискурсивное направление заметно менее активно, что представляется неоправданным с учётом значительного вклада отечественных учёных в коммуникативную лингвистику, лингвопрагматику и теорию речевых актов [Почепцов 2009; Бацевич 2004; Почепцов (О.Г.) 1986; Карабан 1989а; Приходько 2002; Шевченко 1998 и др.]. Фундаментальные работы, выполненные в русле коммуникативно-функционального анализа дискурса, сегодня представлены исследованиями специфики вербализации в дискурсе имплицитных смыслов [Безугла 2007], лингвистических особенностей аргументации [Белова 1997], этикетизации англоязычного научного дискурса [Гльченко 2002], жанров англоязычной научной коммуникации [Яхонтова 2009], взаимодействия вербального и невербального кода в дискурсе [Солощук 2006].

Однако, в данных работах не получили развитие многие важные идеи и представления, сформированные в рамках прагмалингвистических теорий. В частности, остается невыясненным параметр цели дискурсивной деятельности, который со всей очевидностью не может быть определен с использованием понятий иллокуции высказывания и коммуникативного задания текста. Важность и своевременность изучения данного параметра определяется его основополагающей ролью: дискурсивная деятельность является целенаправленной [ЛЭС: 136].

Настоящее исследование постулирует, что целенаправленность речемыслительной коммуникативной деятельности индивида соотносима с её стратегичностью.

Соответственно, прагматический аспект коммуникации – её целенаправленность [Вацлавик 2000а; Сучкова 2005: 6 и др.] следует изучать с опорой на понятие дискурсивной стратегии.

Стратегия, в нашем понимании, представляет собой инструмент реализации неречевых целей в дискурсивной деятельности [Фролова 2009]. Открытое множество таких целей обуславливает наличие многочисленных стратегий, соотносимых с ними. В частности, индивид может преследовать (единственную либо сопряженную с другими) цель конструирования межличностных отношений определенного типа (гармонических, нейтральных, конфронтационных).

Объектом настоящего исследования является дискурсивная стратегия конфронтации, реализация которой ориентирована на установление / поддержание недружественных отношений между коммуникантами.

Соглашаясь с мнением о том, что базовой функцией дискурсивной деятельности является регулятивная [Рудяков 2004: 85] – синтез когнитивной [Рудяков 2004: 79; Мартинюк 2006а: 13] и коммуникативной [Леонтьев 1968: 32] функций, считаем целесообразным сосредоточить внимание на регулятивном потенциале стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе.

В данной статье представлена модель исследования, разработанная для анализа регулятивного потенциала стратегии конфронтации. Непосредственному описанию этой модели предшествует краткое изложение сути понятия дискурсивная стратегия, после чего приведены результаты применения данной модели к стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе.

Понятие дискурсивной стратегии и модель её анализа. В лингвистической литературе термин «стратегия» не является новым: в работах ученых содержатся определения обозначаемого им понятия, предлагаются различные классификации стратегий и т.д. Опыт исследований содержит такие важные для настоящего исследования положения:

- речевые действия имеют стратегический характер [Блакар 1987: 133; Иссерс 2003: 21], независимо от осознанности / неосознанности стратегического намерения: «даже когда коммуниканты сознательно

не организуют свои речевые действия в определенную стратегию, высокая степень их социализации обеспечивает стратегичность этих действий и при отсутствии осознанного стратегического намерения» [Вессон 2005: 37];

- стратегия имеет когнитивный план, представляющей собой обобщение существующего опыта в совокупности личностных, локальных, деятельностных и иных измерений, особым образом организованных в сознании и памяти [Fernando 1996: 110-111];

- стратегия является центральным понятием прагмаориентированного исследования [Макаров 2003: 193], макроинтенцией участников диалога [Лазуткина 1988: 73], инструментом достижения коммуникативной цели [Москальчук 2003: 29];

- стратегия представляет собой социокоммуникативную сущность: она «формируется в соответствии с системой ценностей, убеждений, социальных норм и конвенции» [Сухих 1986: 73], обеспечивая ресурсы для конструирования в коммуникативных практиках культурных и социальных структур [там же: 36].

Следует отметить, что существует и множество других трактовок, где стратегия рассматривается как речевая сущность: технологическая единица речевого воздействия, организации диалога/текста и т.д. При этом авторы нередко оперируют термином «дискурсивная стратегия» (напр., [Meier 1995; Mills 2002 и др.]). Однако, ориентируясь на принципы конверсационного анализа, эти ученые понимают под дискурсом естественный диалог. В других работах речь идет о коммуникативных стратегиях, среди которых вербальные и невербальные [Белова 2004: 14].

Сформировавшееся в настоящем исследовании понимание дискурсивной стратегии основывается на принятой в работе трактовке дискурса, исходя из которой логично предположить наличие у стратегии как речемыслительной социокоммуникативной сущности таких характеристик:

- дискурсивная стратегия имеет социально-интеракциональную природу, выступает инструментом социального взаимодействия;

- дискурсивная стратегия также выступает инструментом реализации внеречевых, коммуникативно значимых целей;

- как речемыслительная сущность дискурсивная стратегия представляет собой единство ментального и вербального планов, соответственно имея ментальный и вербальный коррелят;

- дискурсивная стратегия имеет статическое и динамическое, процессуальное и результативное измерения;

- структура дискурсивной стратегии является сложноорганизованной;

- дискурсивная стратегия выполняет регулятивную функцию, является инструментом регуляции, в частности, ряд дискурсивных стратегий регулируют межличностные отношения коммуникантов.

Как инструмент реализации коммуникативных целей в культурно-социальной вербальной интеракции дискурсивная стратегия имеет ментальный и вербальный ресурс.

Ментальным ресурсом дискурсивной стратегии является стратегически актуальное концептуализированное знание. В основе дискурсивной деятельности, как известно, лежат структуры знания – фиксированные формы ментального опыта [Шевченко 2003: 37], которые в латентном состоянии находятся в свернутом состоянии, а при наличии внешнего воздействия могут активироваться, «разворачиваться» и организовывать ментальные пространства [Холодная 2002: 96; Данилова 2002; Милевская 2002 и др.].

Актуализация данных структур в дискурсе также организует дискурсивную деятельность: для определенного типа или вида этой деятельности характерно наличие опорной ментальной структуры [Дем'янков 1982: 7] – базового концепта [Карасик 2002а; Шейгал 2004], в то время как объем и содержание актуализированного концептуализированного знания (в частности, стратегически актуального знания) определяют когнитивную инфраструктуру дискурса [Тарасова 1999: 175].

На наш взгляд, идея о наличии «опорных» или «базовых» концептов основана на предложении о том, что некоторые элементы концептосферы способны проектироваться не только в плоскость языка, но и в плоскость коммуникации. Однако ни специфика таких концептов, ни их дискурсообразующие возможности на сегодня достаточно не изучены. Исследователи утверждают, что вербализация (базового) концепта формирует «содержательно-тематическое ядро коммуникации» [Шейгал 2006: 27], иными словами, концепты тематизируются, организуя содержательный аспект дискурса [Кудоярова 2007]. Однако остается без ответа вопрос о том, каким образом формируется функциональное ядро коммуникации или как организовывается коммуникативно-функциональный аспект дискурса? Наиболее релевантным нашему исследованию является утверждение о наличии «коммуникативных концептов, образующих коммуникативную концептосферу носителя языка» [Дементьев 2006: 5]. Однако, соглашаясь с данной точкой зрения, полагаем, что такие концепты определяют суть, а их имена – названия дискурсивных стратегий, а не речевых жанров, как утверждает автор (высказанное не означает, что соотнесение коммуникативных концептов и речевых жанров мы считаем неправильным или неуместным, речь идет лишь об использовании сформулированного В. В. Дементьевым предположения в собственных исследовательских целях).

Таким образом, ментальной основой дискурсивной стратегии считаем концепт, а именно ту его часть, которая оказывается необходимой для реализации определенной коммуникативной потребности [Слышкин 2004: 49]. При этом учитываем и мнение о том, то к ментальным структурам, лежащим в основе дискурса помимо концепта относятся прототип и стереотип [Мартинюк 2004: 28-45].

Вербальный ресурс дискурсивной стратегии представлен множеством единиц, посредством которых актуализируется концептуализованное стратегически актуальное знание. Минимальные единицы дискурса – концептуализированные высказывания [Schiffrin 1994: 415] образуют дискурсивные фрагменты, объединенные общим стратегическим смыслом. Из этого следует, что между фрагментом дискурса и фрагментом текста может и не быть однозначного соответствия.

Высказывание как минимальная единица вербального плана дискурса на формальном уровне соотносится с простым либо сложным предложением («предложение выступает основной синтаксической единицей лишь настолько, насколько параллельно существует его зеркальная проекция – высказывание, являющееся единицей речи» [Приходько 2003: 88]). Предложение и высказывания не противопоставлены друг другу, вместе они образуют «гибрид» [Бахтин 1986: 41] и именно этот гибрид – предложение-высказывание является языковой основой минимальной единицы вербальной коммуникации [Шевченко 1998: 33]. Исследователи подчеркивают, что высказывание как минимальная единица речи является коммуникативно значимым; связанным с ситуацией взаимодействия, речевым поведением говорящего и фактором адресата [Гак 1998: 248; Арутюнова 2000: 4, 444; Чахоян 1979: 30 и др.].

Контекстуализированное высказывание – минимальную единицу дискурса, трактуем как интеракциональный акт, понимая интеракцию как не только и не столько вербальное диалогическое взаимодействие [Edmondson 1981a: 4], сколько диалог сознаний, в котором каждая единица взаимодействия наполняется смыслом в совместной деятельности коммуникантов. В частности, мыслительная активность субъекта вербального взаимодействия позволяет ему соотнести условия коммуникации, стратегически актуальное знание и вербальную единицу – высказывание. В случае установления такой связи высказывание становится носителем актуализированного стратегического знания. Совокупность высказываний, репрезентирующих актуализированное стратегическое знание, образует фрагмент дискурса. При этом, каждое высказывание, продуцированное говорящим для реализации стратегической цели и интерпретируемое адресатом именно так, формирует вербальную основу интеракционального акта – акта совместного построения стратегического смысла участниками коммуникаций.

В свете изложенного, представляется непротиворечивым соотнесение дискурсивной стратегии со структурой разработанной Т. ван Дейком, которая представлена иерархией – глобальная, локальная, речевая стратегия [Дейк 1989]. В то же время, акцентирование ментально-вербальной природы дискурсивной стратегии требует уточнения составляющих данной триады. Глобальная стратегия, определенная в концепции Т. ван Дейка как общая стратегия дискурса, которая организует его, по нашему мнению, имеет в качестве ментального коррелята прототип – минимизированное

и типизированное концептуализированное знание («типичный образ» [Мартинюк 2007: 17]), в то время как локальные стратегии, направленные на достижение более конкретных целей, контроль результатов на локальных этапах, основаны на стереотипах. Наличие стереотипов-представлений и стереотипов поведения [Красных 2003: 232-233] обуславливает разделение лежащего в их основе стратегически актуального знания на декларативное (стереотипы-представления) и процедуральное (стереотипы поведения) (оппозиция «знаю, что» – «знаю, как» [Макаров 2003б: 148]). Глобальная стратегия охватывает все вербальные реализации в рамках дискурса, вербальный план локальной стратегии соотносим с теми фрагментами дискурса, где реализуется данная стратегия.

Глобальная и локальные стратегии образуют общую макростратегию управления дискурсом [Дейк 1989: 274], иными словами, стратегия образует определенный тип дискурса.

Речевая стратегия определяется глобальной или локальной задачей, представляя собой функциональную единицу последовательности действий, способствующую достижению глобальной / локальной цели, причем возможности прагматического, семантического или стилистического выбора будут ограничены такой речевой стратегией [Дейк 1989: 277].

Соотнося данную точку зрения с трактовкой высказывания как минимальной речевой единицы, полагаем, что в основу диверсификации речевых стратегий может быть положен параметр речевого контекста, точнее речевых контекстов. В частности, функционирование высказывания является совершением речевого действия, иными словами, высказывание функционирует в контексте речевого акта; высказывание также представляет собой заверченный текстовый элемент [Дресслер 1978: 130], выступает минимальной тематизированной единицей [Зимняя 2001 и др.], функционируя в контексте текста; высказывание соотносится и с минимальной единицей структуры диалога – актом [Henne 1982: 304], функционируя в контексте диалога. Следовательно, речевые стратегии могут быть во-первых, классифицированы на основе их соответствия определенной локальной задаче, а, во-вторых, проанализированы с точки зрения их тактического потенциала, путем рассмотрения по принципу дополнительности различных свойств высказываний в каждом из речевых контекстов. Для каждой из речевых стратегий характерна представленность в языковом сознании носителей лингвокультурного менталитета в виде стереотипов речевого поведения.

Следующим уровнем иерархии являются тактики – действия, способствующие реализации стратегий [Иссерс 2003: 110 и др.], которые, согласно изложенному выше, возможно соотнести с различными свойствами высказывания, проявляющимися в одном из речевых контекстов и, таким образом, сгруппировать в тактики одной из речевых стратегий (прагматические / акторечевые, содержательные и структурно-

интеракциональные). В случае дальнейшей диверсификации характеристик в рамках одной конкретной тактики, можно вести речь о приемах. На низшем уровне иерархической модели дискурсивной стратегии находятся языковые / речевые средства, при помощи которых реализуется тактика либо прием. Исходя из изложенного, модель дискурсивной стратегии в статистическом измерении схематически представляем на рис. 1:

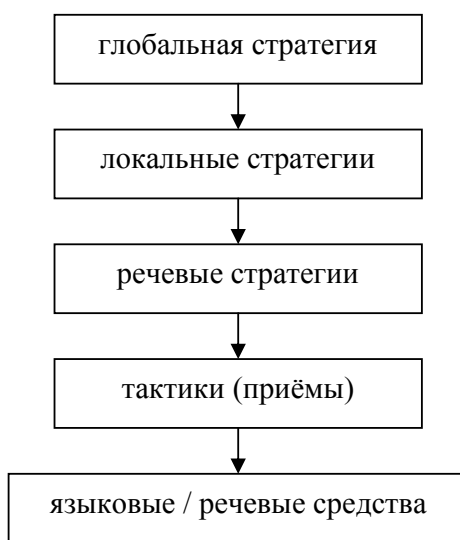

Рис. 1. Статическая модель дискурсивной стратегии

Подчеркивая, что конкретные способы и средства способны к реализации стратегической цели лишь на основе наделения их соответствующим смыслом в процессе речемыслительного взаимодействия коммуникантов, предлагаем также следующую модель дискурсивной стратегии, где последняя показана в динамике:

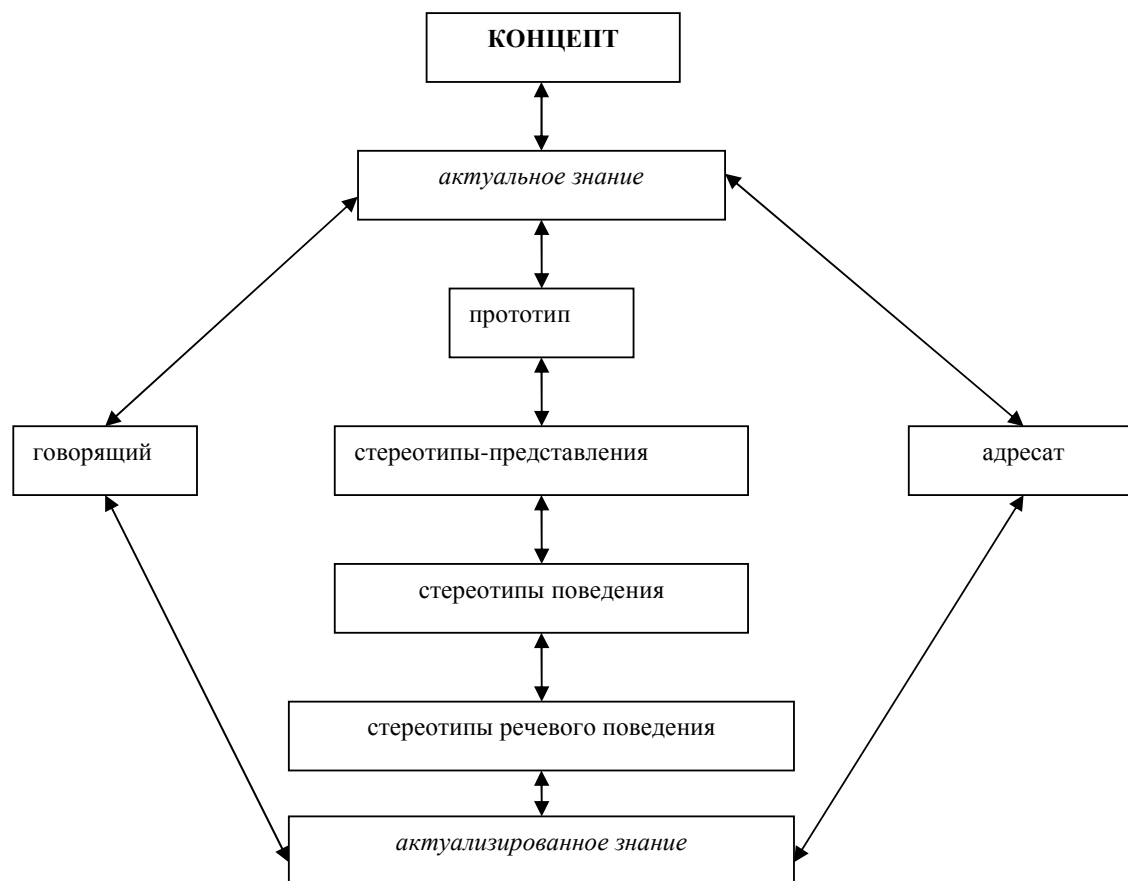

Рис. 2. Динамическая модель дискурсивной стратегии

Как следует из приведенной схемы, являющейся по сути интелектуальным фреймом, движение мысли от абстрактного к конкретному, от актуального – к актуализированному знанию и наоборот, проходит такие этапы:

- НЕЧТО (прототип) есть НЕЧТО₁, НЕЧТО₂ ... НЕЧТО_(n) (стереотипы-представления);
- если НЕЧТО_{1(2...n)} (стереотип представление) следует действовать ТАК₁, ТАК₂ ... ТАК_n (стереотип поведения);
- действовать ТАК_{1(2...n)} (стереотип поведения) можно используя речевые единицы ТАК_а, ТАК_б, ТАК_н (стереотипы речевого поведения).

Необходимо отметить, что концептуализированное знание в совокупности его прототипной и стереотипной составляющих, актуальное стратегическое знание, представляет по сути конструкт коллективного сознания, обобщенный опыт культурно-языкового коллектива, информацию, закрепленную за определенной частью концептосферы носителей языка лингвокультурного менталитета. Данный конструкт является статичным в конкретный период времени и выступает ментальным ресурсом конструирования коммуникативных практик.

Использование данного ресурса – актуализация стратегического знания, в это же время, представляет собой процесс когнитивно-психологической и речевой активности конкретного индивида, отражающий специфику личностного присвоения и интерпретирования актуального стратегического знания, а также специфику адекватной, с точки зрения субъекта, вербализации этого знания. Из этого следует, что актуализированное знание представляет собой конструкт дискурса – спонтанную реализацию фрагмента коллективного опыта в коммуникативном взаимодействии, где значительная роль отводится антропоцентрам – говорящему и адресату, которые являются носителями коллективного стратегического актуального знания, интерпретаторами актуализированного стратегического знания, а в итоге – субъектами регуляций.

Анализ дискурсивной стратегии, соответственно, предполагает наличие ряда этапов и их определенную последовательность.

На первом этапе исследовательская задача состоит в подборе фактического материала, осуществляемом с учетом изучения существующих источников; обзора фоновых знаний, необходимых исследователю для понимания сути изучаемой стратегии; разработки принципов идентификации дискурсивных фрагментов как реализаций данной стратегии и, наконец, формировании корпуса выборки.

Второй этап имеет своей целью выяснения регулятивного потенциала глобальной и локальных стратегий. Для этого, в первую очередь, необходимо определить прототипное и стереотипное знание, составляющее основу конкретной стратегии и представляющее собой её базовый ментальный ресурс. Учитывая, что стратегические намерения формируются и реализуются на фоне всего объема знаний и конкретных потребностей индивида в определенный момент, представляется логичным также исследование влияния общих контекстных и контекстно-ситуативных факторов на реализацию некой стратегии. Общеконтекстные факторы служат ориентирами в оценке данной стратегии в точки зрения культурно-социальных норм и ценностей. Контекстно-ситуационные факторы связывают исследуемую стратегию с определенной типичной ситуацией, которая может быть представлена в сознании в виде набора составляющих, и воплощаться в коммуникативной практике. Из этого вытекает необходимость анализа дискурсивной стратегии (1) с точки зрения вероятностного прогнозирования, или же построения модели типичной конфигурации ситуационных факторов / их характеристик, соответствующих реализации данной дискурсивной стратегии; (2) с точки зрения соответствия реальных реализаций типичному образу ситуации, то есть выяснение прототипического / непрототипического характера реализаций как членов четкой / нечеткой категории. Последнее, фактически, представляет собой описание дискурса, образуемого некой стратегией в терминах его ядерно-периферийной организаций.

На третьем этапе в фокусе исследования оказывается регулятивный потенциал речевых стратегий. В соответствии с предложенной типологией этих

стратегий (которая, несомненно, может быть и иной, учитывая сложную природу дискурсивной стратегии и характерный для дискурсологии принципиально плюралистический подход) представляется необходимым (1) определения роли каждой речевой стратегии в решении глобальных /локальных стратегических заданий; (2) анализ реализаций определенной стратегии в терминах прагмалингвистики / теории речевых актов, лингвистики текста, конверсационного анализа; (3) выявление для каждой из речевых стратегий набора тактик, приемов и средств, предназначенных для реализации глобальной и локальных стратегических целей.

Регулятивный потенциал дискурсивной стратегии конфронтации. Исследование регулятивного потенциала стратегии конфронтации проведено на материале англоязычного дискурса, охватывающем общение на британском и американском вариантах английского языка. Языковые и культурно-социальные различия, на наш взгляд, не играют столь существенную роль при описании общих тенденций стратегического использования вербальных средств с целью конфронтации.

Для понимания сути конфронтации и выяснения регулятивной роли соответствующей дискурсивной стратегии необходимо прежде всего выяснить ряд проблемных моментов. Первым из них является соотношение конфликта и конфронтации, поскольку данное соотношение на настоящий момент не получило достаточно четкого определения в конфликтологических [Анцупов 2008; Бандурка 1997; Гришина 2002 и др.] и лингвистических [Antaki 1994; Leung www; Nelson 2001 и др.] исследованиях. Анализ опыта конфликтологических (в том числе и лингвоконфликтологических) работ позволяет утверждать, что конфликт и конфронтация связаны гиперогипонимическими отношениями: конфронтация принадлежит к массиву конфликтных явлений и характеризуется наличием ряда интегральных характеристик, в частности:

- наличием противоречия – основной категориальной черты любого конфликтного явления, которое обуславливает стадии конфликта [Петровская 2002], на основе взаимодействия объективных и субъективных факторов [Орлова 2001] в формировании образа конфликтной ситуации, включающем ряд составляющих [Емельянов 2003: 26–29; Петровская 2002];

- системности конфликта как социально-психологической сущности, структурные и динамические свойства которой возможно представить как совокупность структурной, вероятностной и динамической моделей [Светлов 2001: 18; 30–31];

- ценности межличностных отношений как основного фактора, определяющего стратегию поведения личности в конфликтной ситуации [Емельянов 2003: 95].

Последняя характеристика является основой для определения дифференциальной черты конфронтации, которая позволяет отличать ее от иных конфликтных явлений: ценность межличностных отношений

оценивается субъектом конфронтации как менее важная в сравнении с той целью, которую он преследует [Grimshaw 1990].

Таким образом, конфронтация ориентирована на «дисгармонизацию межличностных отношений» [Бандурка 1997: 42 и др.], что и определяет регулятивные свойства соответствующей дискурсивной стратегии.

Рамки англоязычного дискурса ограничены в исследовании диалогической формой взаимодействия, являющейся, с нашей точки зрения, оптимальной для анализа объекта исследования: в диалоге регуляция сознания и поведения происходит тут и сейчас, в режиме on-line, а реакция на конфронтацию следует немедленно и непосредственно.

Корпус выборки сформирован из фрагментов художественных произведений (художественной литературы, скриптов кинофильмов и телесериалов). Использование персональной речи в качестве примеров реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе обусловлено рядом причин, в частности:

- литературный диалог представляет собой модель естественного диалога [Головин 1969: 355; Tannen 1994 и др.], причем данная модель является достаточно достоверной для лингвистического анализа и используется многими авторами, в то время как запись реальных образцов общения является, по-первых, не полным аналогом последнего [Макаров 2003: 107; Perez Hernandez 2001: 21 и др.], а во-вторых, проблемной для фиксации конфронтационных ситуаций;

- образцы персональной речи легче интерпретировать как реализации стратегии конфронтации с учетом контекста произведения, а в литературных произведениях также с учетом речи автора.

Исходя из изложенного, выбор дискурсивных фрагментов производился с учетом контекстов образцов персональной речи. Интерпретация данных образцов как реализаций стратегии конфронтации основывалась на показателях, включающих три группы.

Первичными показателями считаем маркеры стратегии *конфронтации*, а именно: номинацию *confrontation* и семантически сопряженные с нею единицы, например:

*Then Tom had hold of his boss and was pulling at him. Tomkin allowed himself to be drawn away from the **confrontation** but lifted a finger, swung it in the air in Croaker's direction. "I'm warning you," he cried, "this is harassment. I don't want you near me."* (Lustbader, The Ninja, p. 242)

*"Well, you're doing your job badly." Thomas Dunne continued to **attack** me.*

(Patterson, Along Came a Spider, p. 345)

Вторичными показателями, по нашему мнению, являются индикаторы стратегического смысла (вербальные средства, которые описывают негативное психоэмоциональное состояние субъекта, его негативное отношение к собеседнику и т.п.), например:

There was a malicious grin on his face now, his skin alternately lighter and darker yellow, with the wash of passing headlights from the traffic flow. "My God, I won't be saddled with you again!" (Lustbader, *The Ninja*, p. 240)

Monica's anger was rising in her face. "It was Lloyd with his arm round her," she said. "I saw them. I'm sorry I ever told you. Rose is the only one that believes me." (Spark, *The Prime of Miss Jean Brodie*, p. 55)

"You bastard," hissed Leamas with rage, "You knew I wouldn't turn myself to your rotten service." (La Carré, *The Spy Who Came In From The Cold*, p. 110)

Нулевые показатели конфронтации не представлены вербальными средствами – маркерами или индикаторами, в этом случае стратегический смысл выводится из знания о контексте, в котором реализуется речевой вклад. Так, в следующем примере показное равнодушие девочки является проявлением обиды: она привыкла к тому, что мать сосредотачивает все свое внимание на семье, детях, и не может смириться с тем, что теперь работа матери в другом городе лишила ее этого. Хотя слова Мэган не являются грубыми или невежливыми, они не соответствуют по полноте и теплоте общения тем образцам, которые до этого имели место в этой семье:

"I'll be home on weekends, Meg," Tanya reminded her again.

"Yeah, right. Whatever," Megan said to her mother and then walked away.

(Steel, *Bungalow 2*, p. 75)

Таким образом, сформированный корпус примеров персонажной речи представляет собой реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе, точнее дискурсах, смоделированных в проанализированных произведениях.

Регулятивный потенциал глобальной стратегии конфронтации основывается на прототипном знании о конфронтации. Этот потенциал предполагает анализ концепта CONFRONTATION, который приведен с опорой на имеющиеся данные концептуального [Ермолаева 2005] и семантического анализа [Жарковская 2007].

Полученные данные дают основания утверждать, что CONFRONTATION – это коммуникативное событие открытого противостояния участников/сторон конфликтной ситуации. Проекция этого содержания в сферу вербальной коммуникации сужает его, оставляя за рамками субъектно-объектное противостояние, а с другой стороны, расширяет необходимый содержательный минимум, добавляя к нему такой признак как инструмент – *вербальная* форма взаимодействия. Следовательно, стратегически актуальное знание включает такие составляющие как «противопоставление (opposition)», «участники/стороны (persons, groups)», «враждебные (hostile)», «взаимодействие (meeting face to face)». При этом «враждебное» поглощает «противопоставление (*hostile of or relating to an enemy; enemy – one that is antagonistic to another*)» [MW]. Кроме того, «взаимодействие», осуществляемое посредством языка,

соотносится с «общением» (*meeting – an act of coming together, verbal-consisting of words* [MW]) и имплицитно предполагает наличие субъектов (людей, групп людей).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что прототипное актуальное знание о конфронтации как враждебном общении представлено в «наивном» сознании англоязычных коммуникантов в виде структуры знания **МЫ ВРАГИ / WE ARE ENEMIES**.

Поскольку антиподом конфронтации является гармоничное «вежливое» общение (в этом случае речь идёт о понимании вежливости именно как «гармонического, неконфликтного общения» [Ларина 2003: 54], демонстрации доброжелательности, кооперативности, позитивного отношения [Карасик 2002: 91]), общетеоретические постулаты теории вежливости [Brown 1987; Lakoff 1973: 302; Leech 1983 и др.] могут послужить отправной точкой определения стереотипов конфронтации.

Стереотипы-представления о конфронтации, профилируясь относительно **ВЛАСТИ** и **ДИСТАНЦИИ**, конкретизируют предметное содержание прототипного знания, сегментируя его в виде двух структур – **Я ВЫСШИЙ – ТЫ НИЗШИЙ**, **Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ**, которые лежат в основе локальных стратегий *доминирования-дискриминации, самопохвалы-дискредитации*.

Соотносимые с этими стереотипными представлениями стереотипы поведения – стандартизированные модели поведения, в свою очередь, формируют речевые стратегии конфронтации, а именно:

- *демонстрируй власть* (акцентируй свою высшую позицию и/или низшую позицию собеседника) – речевая стратегия демонстрации власти;
- *борись за власть* (пытайся повысить собственную позицию и/или понизить позицию собеседника) – речевая стратегия борьбы за власть;
- *принуждай* (приказывай, навязывай, не давай выбора собеседнику) – речевая стратегия принуждения;
- *завоёвывай пространство* (расширяй рамки собственного пространства, вторгайся в пространство собеседника) – речевая стратегия завоевания пространства;
- *не одобряй* (акцентируй положительную самооценку и/или негативную оценку собеседника) – речевая стратегия неодобрения;
- *демонстрируй неуважение* (акцентируй собственные потребности, желания, интересы; игнорируй потребности, желания, интересы собеседника) – речевая стратегия неуважения.

Следует отметить, что между стереотипами-представлениями и стереотипами поведения отсутствуют четкие и однозначные коррелятивные связи: если, например, стереотип представление **Я ХОРОШИЙ – ТЫ ПЛОХОЙ** соотносится со стереотипом поведения *не одобряй*, то стереотип поведения *демонстрируй неуважение* базируется на обоих стереотипных представлениях о конфронтации: субъект, с одной стороны положительно оценивает собственные потребности, а, с другой стороны, игнорируя желания и интересы другого субъекта, приписывает ему низшую позицию.

Также необходимо подчеркнуть тот факт, что каждая из речевых стратегий конфронтации может быть реализована в дискурсе полностью или частично. Например, в следующем фрагменте полностью реализована речевая стратегия принуждения

RUTH: *You are not to see that boy again, do you understand me, Rose? I forbid it!* (Titanic)

В то же время в другом фрагменте имеет место частичная объективация речевой стратегии борьбы за власть: коммуникант пытается повысить собственную позицию, не претендуя при этом на понижение позиции собеседника:

"Excuse me," I said in a demanding tone, "I have repeatedly requested a phone, and I'm beginning to feel like I'm in prison." (Cornwell, *Unnatural Exposure*, p. 209)

Речевые стратегии конфронтации основываются на тактиках, подразделяющихся на три группы (акто-речевые, содержательные, интеракциональные); каждая из тактик, в свою очередь, представлена набором приёмов/средств, имеющих либо приобретающих конфликтогенный потенциал. Речь идет о том, что некоторые языковые/речевые единицы ассоциируются в сознании англоязычных коммуникантов с конфронтацией, однако их способность к объективации стратегического смысла может быть установлена в конкретной реализации лишь с учетом контекста дискурса. В то же время, контекст позволяет выявить способность к реализации конфронтационных смыслов и иных вербальных средств, не соотносимых в языковом сознании с конфронтацией. Следовательно, анализ конкретных приёмов/средств реализации стратегии конфронтации в англоязычном дискурсе следует проводить исходя из того, что такие способы и средства представляют собой открытое множество и организованы по принципу нечёткой категории (практически каждое из них в одной позиции принадлежит данной категории, а в другой – не принадлежит).

Кроме того, представляется необходимым учет роли каждого конкретного средства, приёма или же тактики в целом в реализации конфронтационного смысла: очевидная возможность реализации одновременно нескольких из них предполагает наличие основных и второстепенных.

Исходя из изложенного, можно сделать ряд выводов, а именно:

- постулаты и принципы дискурсологии ориентируют на использование разнообразного инструментария в исследовании стратегии конфронтации, соединения новых и достаточно традиционных понятий, а, соответственно, и различных методов анализа;

- интеграция принципов коммуникативно-функциональных и дискурсологических исследований позволяет наиболее полно и комплексно изучить стратегический потенциал конфронтации;

- регулятивный потенциал стратегии конфронтации может быть изучен с точки зрения дискурсообразующей роли данной стратегии (глобальной

и локальных стратегий конфронтации), а также с позиции выяснения общих тенденций выбора вербальных средств реализации стратегических целей англоязычными коммуникантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я. Конфликтология : [учебник для вузов] / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – [3-е изд.]. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2008. – 490 с.
2. Бандурка А.М. Конфликтология / А.М. Бандурка, В.А. Друзь. – Харьков : Фортуна-пресс, 1997. – 356 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества : сб. избр. тр. / М.М. Бахтин. – [2-е изд.]. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
4. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
5. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі : [монографія] / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
6. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации : [монография] / А.Д. Белова. – К. : Киев. ун-т им. Тараса Шевченко, ИИА «Астрея», 1997. – 310 с.
7. Белова А.Д. Поняття «стиль», «жанр», «дискурс», «текст» у сучасній лінгвістиці / А.Д. Белова // Іноземна філологія. – К. : КНУ імені Т. Шевченка, 2002. – Вип. 32. – С. 11–14.
8. Белова А.Д. Комунікативні стратегії і тактики: проблеми систематики / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2004. – С. 11–16.
9. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
10. Вацлавик П. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон ; [пер. с англ.]. – СПб. : Речь, 2000. – 300 с.
11. Вессон К. Двойственная роль языка в организациях (модель Януса) // Организационная коммуникация ; [сост. А.П. Мюллер, А. Кизер ; пер. и науч. ред. А.А. Киселевой]. – Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2005. – С. 28–69.
12. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
13. Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка / Б.Н. Головин // Вопросы социальной лингвистики. – Л. : Наука, 1969. – С. 343–355.
14. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб.; М.; Х.; Минск : Питер, 2002. – 464 с.
15. Данилова Н.К. Субъективные позиции повествовательного дискурса / Н.К. Данилова // Текст: восприятие, информация, интерпретация.

- Актуальные проблемы перевода. Чтение как феномен культуры. Текст в системе обучения: проблемы восприятия и методики. Имиджелогия и PR : I Междунар. науч. конф. Российского нового ун-та, 27–28 мая 2002 г. : тезисы докл. – М. : Росноу, 2002. – С. 124–137.
16. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк ван Т.А. ; [пер. с англ. ; сост. Петров В.В. ; под ред. В.И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
  17. Дементьев В.В. Варьирование коммуникативных концептов / В.В. Дементьев // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 5–24.
  18. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков // Всесоюзный Центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М., 1982. – Вып. 2. Методы анализа текста. – 288 с.
  19. Дресслер В. Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 111–137.
  20. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб. : Питер, 2003. – 400 с.
  21. Ермолаева Е.Н. Концепт CONFLICT и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ермолаева Елена Николаевна. – Иркутск, 2005. – 212 с.
  22. Жарковская И.В. Семантические и функциональные особенности англоязычных номинаций конфликта : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Жарковская Инна Валерьевна. – Харьков, 2007. – 249 с.
  23. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : USSR, 2003. – 284 с.
  24. Ильченко О.М. Этикет англоязычного научного дискурса : [монография] / Ильченко О.М. – К. : ІВЦ «Політехніка», 2002. – 288 с.
  25. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований : [монография] / В.И. Карабан. – К. : Вища школа, 1989. – 131 с.
  26. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
  27. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 374 с.
  28. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
  29. Кудоярова О.В. Дискурсотворча роль теми у професійному конфліктному спілкуванні англоязычних медиків (на матеріалі персонажного мовлення) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Кудоярова Ольга Вікторівна. – Харків, 2007. – 238 с.

30. Лазуткина Е.М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приёмы / Е.М. Лазуткина // Культура русской речи : [учеб. для вузов] / [Виноградов С.И., Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. (ред.) и др. ; РОС. АН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова]. – М. : Изд. группа «Норма ИНФРА М», 1998. – С. 72–82.
31. Ларина Т.В. Вежливость как национально-специфическая категория / Т.В. Ларина // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория ; [научн. ред. И. А. Стернин]. – Воронеж : «Истоки». – 2003. – Вып. 17. – С. 48–57.
32. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1968. – 306 с.
33. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 685 с.
34. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
35. Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англomовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
36. Мартинюк А.П. Регулятивна функція гендерно маркованих одиниць мови (на матеріалі сучасного англomовного публіцистичного дискурсу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.П. Мартинюк. – К., 2006. – 40 с.
37. Мартинюк А.П. Прототип як операційна одиниця перекладу / А.П. Мартинюк // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2007. – № 772. – С. 15–18.
38. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
39. Милевская Т.В. Дискурс и текст: проблема дефиниции [Электронный ресурс] / Т.В. Милевская. – 2002. – Режим доступа : www.teneta.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm.
40. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.І. Морозова. – К., 2008. – 32 с.
41. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
42. Орлова Э.А. Взаимодействие в конфликтной ситуации / Э.А. Орлова, Л.Б. Филонов // Психология конфликта : [хрестоматия] ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2001. – С. 380–403.
43. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта / Л.А. Петровская // Психология конфликта : [хрестоматия] ; [сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной]. – СПб. : Питер, 2002. – С. 298–309.

44. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике : монография / Г.Г. Почепцов ; [сост., общ. ред. и вступ. статья И.С. Шевченко]. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.
45. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения : [монография] / О.Г. Почепцов. – К. : Вища школа, 1986. – 116 с.
46. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові : [монографія] / А.М. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 292 с.
47. Приходько А.Н. Синтаксис естественного языка в фокусе когнитивно-дискурсивной парадигмы / А.Н. Приходько // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 84–89.
48. Рудяков А.Н. Язык или почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А.Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
49. Светлов В.А. Аналитика конфликта : [учеб. пособие] / В.А. Светлов. – СПб. : ООО «Росток», 2001. – 512 с.
50. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.
51. Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі : [монографія] / Л.В. Солощук. – Харків : Константа, 2006. – 300 с.
52. Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии / С.А. Сухих // Языковое общение и его единицы : сб. ст. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 71–77.
53. Сучкова Г.М. Прагматика межличностного взаимодействия / Г.М. Сучкова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 240 с.
54. Тарасова Е.В. Когнитивные основания системной организации речи / Е.В. Тарасова // Вісник Харківського державного університету. – 1999. – Вип. 424. – С. 174–183.
55. Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / І.Є. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
56. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
57. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1979. – 168 с.
58. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
59. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения. Английское вопросительное предложение 16–20 вв. : [монография] / И.С. Шевченко. – Харьков : Константа, 1998. – 168 с.
60. Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс как когнітивно-комунікативний феномен :

- [кол. монографія] / [під загальн. ред. І.С. Шевченко]. – Харків : Константа, 2005. – С. 105–117.
61. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
  62. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24–39.
  63. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики : енциклопедичний словник для фахівців з теоретич. гуманіт. дисциплін та гуманіт. інф-ки / І.Б. Штерн. – К. : «АртЕк», 1998. – 336 с
  64. Яхонтова Т.В. Лінгвістична генологія наукової комунікації : [монографія] / Т.В. Яхонтова. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2009. – 420 с.
  65. Antaki C. Explaining and arguing: The social organization of accounts / C. Antaki. – London, etc. : Sage Publ., 1994. – 283 p.
  66. Edmondson W. Spoken Discourse: a Model for Analysis / W. Edmondson. – London, New York: Longman, 1981. – 217 p.
  67. Fernando C. Idioms and Idiomaticity / C. Fernando. – Oxford : OUP, 1996. – 150 p.
  68. Grimshaw A.D. Conflict talk: Sociolinguistic investigations in conversations / A.D. Grimshaw. – Cambridge, UK : CUP, 1990. – 354 p.
  69. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1982. – 330 S.
  70. Leung S. Conflict Talk: A Discourse Analytical Perspective Working [Electronic resource] / S. Leung // Papers in TESOL & Applied Linguistics. – 2004. – Access : www.tc.columbia.edu/tesolawebjournal.
  71. Meier A. J. Passages of politeness / A. J. Meier // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – P. 381–392.
  72. Mills S. Rethinking Politeness, Impoliteness and Gender Identity [Electronic resource] / S. Mills. – 2002. – Access : <http://www.lboro.ac.uk/departments/ea/politeness/GenderandPoliteness.htm>.
  73. MW = Merriam Webster's Collegiate Dictionary – [tenth edition]. – Springfield, Mass., 1993. – 1559 p.
  74. Nelson C. K. If it sounds too good to be true, it is: A Wittgensteinian approach to the conflict literature / C. K. Nelson // Language and Communication. – 2001. – № 21. – P. 1–22.
  75. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.
  76. Tannen D. Gender and Discourse / D. Tannen. – New York, Oxford : OUP, 1994. – 203 p.

Фролова Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода английского языка факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: transengl@univer.kharkov.ua